

Черепанова Мария Владимировна

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена проблеме реализации этических кодексов в контексте коммуникативной рациональности. В ситуации, когда разработка и внедрение этических кодексов реализуются вне связи с социально-культурными особенностями, они превращаются в источник имитации социальности, не имеющей под собой прочного основания. Решение этого противоречия автор видит в отходе от классического понимания этического кодекса как источника нарративных предписаний и выработке новой его концепции в ракурсе коммуникативной онтологии социальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 194-196. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

METHODS OF RESEARCH SOURCES SELECTION BY “CHRONICLE OF JOURNAL ARTICLES”
(BY EXAMPLE OF TOPIC OF SOVIET CHILDHOOD OF THE 1930S)

Khamitova Zhanna Aleksandrovna
Kazan' (Volga Region) Federal University
hamitovaga@gmail.com

The author covers the methods of soviet journals selection by means of the “Chronicle of Journal Articles”, which allows implementing the representative selection of sources for complex interdisciplinary researches, which increase every year, and tells that the main aspect in research sources selection by means of the proposed methods is their “content” essence, whereas the goals and objectives of the researcher, as well as the audience of the journal play a secondary role.

Key words and phrases: soviet press; soviet journals; the USSR; the 1930s; mass media.

УДК 101.1:316

Философские науки

Статья посвящена проблеме реализации этических кодексов в контексте коммуникативной рациональности. В ситуации, когда разработка и внедрение этических кодексов реализуются вне связи с социально-культурными особенностями, они превращаются в источник имитации социальности, не имеющей под собой прочного основания. Решение этого противоречия автор видит в отходе от классического понимания этического кодекса как источника нарративных предписаний и выработке новой его концепции в ракурсе коммуникативной онтологии социальности.

Ключевые слова и фразы: этика; этический кодекс; коммуникативная онтология социальности; постметафизическое мышление; этос науки.

Черепанова Мария Владимировна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
cherepanovamv@tpu.ru

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ[©]

Анализ природы и специфики этической кодификации видится актуальным в силу всевозрастающего значения данного феномена для понимания процессов нормативно-ценностной самоорганизации социокультурных субъектов. Предмет рассмотрения данной статьи – практика структурирования межличностных коммуникаций и особенности функционирования этического кодекса в рамках научного сообщества. Выбор науки как сферы приложения этической регуляции не является случайным. Несмотря на то, что гносеологией Нового времени был оформлен разрыв между научной и этической формами дискурса (в виде идеи ценностной нейтральности научного познания), рациональный индивид, ориентирующийся на формализованные процедуры принятия и осуществления решений, на долгое время становится типичным субъектом не только классической науки, но и этической рефлексии образца эпохи Модерна. Этика на данном этапе выступает «воплощением практического разума, механизмом, через который авторитет рационального начала переходит в практику оценок и предписаний» [4, с. 135].

Эпоха пост-современности обнаруживает несостоятельность ориентации исключительно на разумное начало человеческой деятельности. Вследствие этого критически пересматривается прежняя идея индивидуализма, подвергаются значительным изменениям онтологические основания различных социальных практик, что проявляется, прежде всего, в смене типа рациональности. Современная наука признает недетерминированный характер мира, огромную роль случайностей и исключительный характер порядка и равновесия. Главной метафорой человеческой жизни становится лабиринт, в котором правят случайность и неожиданность, что знаменует собой поражение Чистого Разума [1, с. 149]. В итоге научная рациональность – принцип организации познания и деятельности, который имеет целеинструментальное назначение и реализует себя через властное насилие в достижении заданной цели как результата, – уступает место рациональности коммуникативной. Отличие последней состоит в том, что она устраняет в коммуникативном действии его жесткий целерациональный характер [7, с. 138].

Трансформация типа рациональности влечет за собой необходимость комплексного рассмотрения означенной проблематики, опирающегося как на внутреннюю ценность научного дискурса, так и на его включенность в общий социальный контекст. Ученый выступает не только как профессионал, обладающий рядом ценных функциональных навыков, но, прежде всего, как агент социокультурных коммуникаций. Отныне упорядоченную структуру создает не рациональная интеграция, а продолжающаяся коммуникация. Прежний формальный

подход к определению научного сообщества, основанный на выделении жестких внешних границ, сменяется сосредоточением внимания на его содержательной – коммуникативной – составляющей.

Более того, аллотропные модификации общественных структур теперь не могут подменить собой свободу самовыражения личности. Динамика социальной ситуации порождает гетерогенность установок и плюрализм ориентаций, влекущих за собой дезинтеграцию традиционного базиса конструкции. Возникает разрыв между отношениями межличностными и социальными, грозящий anomией, распадом привычной канвы жизненных ориентиров. «Вообразите себе на минуту такой сдвиг, когда великие цели, еще вчера придававшие ясную архитектуру нашему жизненному пространству, утратили свою четкость, притягательную силу и власть над нами, хотя то, что призвано их заменить, еще не достигло очевидности и необходимой убедительности. В подобную эпоху окружающее нас пространство чудится распавшимся, шатким, колышущимся вокруг индивида, шаги которого делаются тоже неуверенными, потому что поколеблены и размыты точки отсчета» [6, с. 203]. В поисках новой идентичности, источника стабильности и внутреннего покоя происходит обращение к одной из традиционных форм стандартизации поведения – этической кодификации, являвшейся на протяжении долгого времени важнейшим механизмом трансляции социокультурных ценностей.

На первый взгляд, этический кодекс выступает именно способом стабилизации социальной структуры в рамках «текущей современности». Однако насколько эффективным окажется он в условиях культуры, где отчетливо наметился кризис индивидуальности, предполагавшей универсальную и всеобщую нормативность, а человек перестал быть субъектом целенаправленной деятельности и превратился в совокупность эфемерных связей и отношений? Не обратится ли кодекс только лишь в тонкую формальную оболочку, не упорядочивающую, но маскирующую изменчивое антиномичное содержание?

Прежняя ситуация предполагала наличие жесткой системы координат, спродуцированной общественным развитием, и стабильно-целостного индивида, помещенного в ее рамки. В современности подвергается критике видение общества сквозь призму строгой иерархичной организации, отныне оно предстает социальностью, где приоритетным принципом функционирования выступает не подчинение единому началу, но свободная коммуникация всех составляющих его элементов [7, с. 112]. Индивид же воспринимается в одном случае как становящаяся самость, в ином варианте – как мозаичная структура, не стремящаяся к исходной (конечной) целостности. Тем самым культура «сигнализирует о конце определения человека как социального существа, ограниченного его местом в обществе, обуславливающим его поведение или действия, и поэтому защита социальными личностями своей культурной и психологической специфики не может осуществляться без понимания того, что принцип их комбинации можно найти внутри человека, а не в социальных учреждениях или универсальных принципах» [1, с. 192]. Самоидентификация, поиск собственной идентичности в таких условиях сопряжены, с одной стороны, с опорой на уже существующие культурные образцы, с другой – на трансформацию наличных смысловых структур. Эти процессы пересекаются в коммуникативном пространстве, в результате чего формируется новый социальный субъект (при этом и понимание социальности, и интерпретация субъективности также подвергаются пересмотру).

Этический кодекс в новом контексте приобретает совершенно иной вид. Он выступает не средоточием поведенческих инструкций, а своеобразной точкой бифуркации, в которой происходит качественный скачок, переход на иной уровень бытийственности. С одной стороны, кодекс остается результатом длительного культурного созидания личности в рамках замкнутой системы, это наивысшая точка – акме – самосознания автономной формальной социальной группы. С другой стороны, выделение в нем четких бинарных оппозиций становится источником рефлексии, полемики, конфликтности, трансформаций индивидуального сознания, а в последующем и всей системы. Таким образом, кодекс выступает одновременно и результатом, и источником развития. «Только при поверхностном и к тому же одностороннем рассмотрении мораль предстает как связующее средство, удерживающее людей в обществе. Между тем она и отталкивает, ссорит, затрудняет разрешение конфликтов» [5, с. 312]. Структура замыкается на себя, приобретает заверченный вид, создает коммуникативный каркас, позволяющий сохранять стабильность при воздействии на нее внешних факторов.

Многообразие культурно-исторических форм проявления кодификации не должно оставлять сомнений в ее функциональной эффективности. Фундирующая функция кодексов этики неизменна, она неоднократно проявляла себя в контексте исторического становления человечества, однако механизмы реализации этой функции изменялись в соответствии с тенденциями эпохи – традиционность, кумулятивный и долгосрочный характер уступили место сначала рациональным предпосылкам, а затем опоре на коммуникативные основания.

Таким образом, этический кодекс уже не служит транслятором традиционных ценностей и норм – их положение в современной культуре слишком хрупко и неустойчиво. Однако он становится одним из инструментов продуцирования новых ценностей, формирующихся в ходе поиска индивидом собственной идентичности. Акценты его реализации несколько смещаются: он обращается из инструмента регуляции (предполагающей жесткость нарративных установок) в источник самостановления отдельной личности и системы в целом. Отсюда детерминантная роль этического кодекса в самоорганизации научного сообщества: выполняющая рефлексивную функцию, координирующая поведение каждого агента с целями группы, он становится одним из показателей ее высокого онтологического статуса. Это находит отражение в самореферентности – способности системы постоянно самоопределять отношение к самой себе и дифференцировать его от отношений к окружающему миру, а также перманентно селективировать свои внутренние связи и элементы [3, с. 38].

Данная способность представляется ключевой для научного этоса, стремящегося обрести стабильность в новых условиях. Речь идет не о холодно-отстраненной самодостаточности, опирающейся в своих решениях лишь на незыблемый принцип рациональности, но самодостаточности цельной, объективирующей в себе результат взаимодействия с иными социальными формами. Если XX век ознаменовался для научного сообщества кризисом, фрагментацией, инверсией внутреннего и внешнего: самое внутреннее – решение об истине и познании – уходит вовне, а внешнее – «непредсказуемые» побочные социальные последствия – становится постоянной внутренней проблемой самой научной работы [2, с. 254], век XXI пытается реабилитировать исконные основания научной деятельности, проинтерпретировав их с точки зрения коммуникативных и аксиологических практик. Центральную роль в этом процессе может сыграть этический кодекс, инвариантные структурные компоненты которого задают интенциональность поведению личности, катализируя процесс самосозидания социальных систем в периоды неустойчивых хаотических состояний.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010. 248 с.
4. Галкин Д. В. К антропологии индивидуализма: судьбы этики и проблемы морального самоопределения в условиях культурной динамики (пост)современности // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 133-142.
5. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 641 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Новые симптомы // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 202-207.
7. Толерантность и коммуникация: коллективная монография / под ред. Г. И. Петровой. Томск: Дельтаплан, 2002. 178 с.

ETHICS CODE IN SOCIAL PHILOSOPHY CONTEXT

Cherepanova Mariya Vladimirovna
National Research Tomsk Polytechnic University
cherepanovamv@tpu.ru

The author considers the problem of implementing ethics codes in the context of communicative rationality. In the situation, when the development and introduction of ethics codes are implemented irrelatively from social-cultural features, they are transformed into the source of sociality imitation, not having solid foundation. The solution of this contradiction is in the deviation from the classical understanding of ethics code as a source of narrative directions and the development of its new conception from the perspective of the communicative ontology of sociality.

Key words and phrases: ethics; ethics code; communicative ontology of sociality; post-metaphysical thinking; science ethos.

УДК 78

Искусствоведение

В статье рассматриваются музыкальная культура и быт дворянских детей середины XIX – начала XX в. В качестве материалов исследования используется музыка фортепианных детских альбомов П. Чайковского, С. Борткевича, А. Черепнина, А. Гречанинова, В. Ребикова. Работа опирается на одни из ярчайших документов «дворянской» эпохи – мемуары графини де Сегюр, С. Ковалевской, А. Бенуа. При анализе разных аспектов детской жизни автор выявляет комплекс музыкальных образов и средств, с помощью которых композиторы отображают атрибуты «дня ребёнка»: воспитание, образование, круг чтения, развлечения.

Ключевые слова и фразы: мемуары; детская фортепианная музыка; игрушки; танцы; детский альбом; образ ребёнка; дворянская усадьба.

Шефова Елена Александровна

Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С. В. Рахманинова
shefova_e@mail.ru

ФОРТЕПИАННЫЙ ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ ДЕТЕЙ РУБЕЖА ВЕКОВ[©]

В первое десятилетие XX века такая разновидность фортепианной музыки, как детский альбом, прочно заняла своё место в ряду других явлений музыкальной культуры. Несмотря на то, что одной из вершин фортепианного цикла для детей по-прежнему был и остаётся «Детский альбом» Чайковского, значимость